

О КОНАН-ДОЙЛЕ И БРИГАДИРЕ ЖЕРАРЕ

(Вместо предисловия)

У каждого народа есть выражения, которые, будучи непереводимы словами другого языка, отчетливо выражают некоторую особенность в характере этого народа. Как всегда бывает в классовом обществе, выражения эти создаются, в сущности, не всей нацией, а тем классом, который в данный момент представляет от ее имени, играя в нем — до поры до времени успешно — передовую, ведущую роль.

Таких выражений, как «русский человек задним умом крепок» или «у русского человека мозги набекрень» не перевести ни на один европейский язык. Эти порождения нашей бытовой, общественной, хозяйственной в конечном счете отсталости, к несчастью, до сих пор еще не сданы в архив, не утратили своей жизненной ценности, хотя мы находимся на грани той эпохи, когда вся наша жизнь будет так перестроена, что они отойдут в прошлое, и самый смысл их будет забыт, как забыт первоначальный смысл выражений: «согнуть в бараний рог» и «узнать всю подноготную». Ибо мы твердо уверены, что в процессе нашего грандиозного строительства отойдут в прошлое все признаки головопательства и умственной сонливости, как уже отошли в прошлое понятия, связанные со средневековым застенком.

Среди всех видов нашей бедности (мы ими богаты) есть и тот, который вызван отсутствием наследства. Ни средневековый, ни дворянский, ни буржуазный период нашей истории не оставили нам накопленного веками духовного богатства, если не считать, конечно, вот этого «крепкого заднего ума» и «мозгов набекрень», от которых новый хозяин России — рабочий класс — призван освободить ее в возможно срочном порядке.

Нужно признать, что другим странам в этом отношении более повезло. Прежние их хозяева кое-что поднакопили, в том числе и

такое, что окажется весьма бесполезным для рабочего класса этих стран, когда он в свою очередь придет к власти. Здесь мы имеем в виду не технику, не промышленность, даже не науку, а подсознательную общественную культуру, впугавшуюся во внутренний мир личности путем многовекового воздействия среды и оставившую в нем столь глубокий отпечаток, что его нельзя не мыслить, как отчетливо выступающую особенность национального характера. Этот фонд духовных ценностей, накопленный народом в результате его многовековой борьбы с природой, внешними врагами и внутри народа — между классами, — представляя собой огромную сумму подсознательных навыков мышления и жизненных оценок, находит свое итоговое выражение в немногочисленных, но графически четких формулах языка.

У англичан есть замечательное выражение, опять-таки, как все подобные выражения, непере译имое: *fair play* (фэйр плэй). Смысл его очень далек от наших российских «мозгов набекрень» и в известном смысле даже противоположен им. Точно его нужно перевести так: «прекрасная игра». Но самый точный перевод есть в то же время самый неправильный, как известно. Это справедливо для всякого перевода и сугубо справедливо для такого, который пытается передать понятиями чужого языка одну из формул национального характера. А приведенное английское выражение именно такая формула.

Что же это за «игра» и чем она «прекрасна» настолько, что англичане, эти классические любители и изобретатели всяких игр и спорта нашли нужным отметить ее «прекрасность» перед всеми другими, изобретенными у них? Уяснить смысл этого понятия легче всего на конкретном примере. А в примерах нет недостатка. Лучшие страницы английской литературы являются, быть может, лишь развитием этого понятия, проникнуты им, из него исходят. Но произведения Конан-Дойля — в английской литературе далеко не самые гениальные — в то же время самые яркие, даже подчеркнута-яркие и показательные в этом отношении. Именно поэтому, быть может, это один из самых английских произведений английской литературы. И не этим ли объясняется их успех? Ибо мы любим познавать жизнь во всем богатстве ее форм и радуемся,

когда оно умножено особенностью национально-характерного. Ведь только через такое восприятие жизни дается нам и подлинное знание того, как именно нужно ее перестраивать.

Конан-Дойль родился в 1859 г. В литературе он выступил в 1887 г. А мировая известность пришла к нему в начале 90 гг., когда он выпустил в свет «Приключения Шерлока Холмса».

Конан-Дойль — человек университетски образованный. Он врач. Свои знания интеллигента он отдал английской империалистической буржуазии в тот период ее существования, когда она шла по восходящей линии, от успеха к успеху. Он служил ей словом и делом. В бурскую войну он не только был врачом на фронте, но и выпустил две книги в защиту британской армии, т.-е. в защиту грубого нападения Англии на земледельческую Бурскую республику ради золотоносных жил, найденных в недрах последней. В 1914—18 гг. он выступал с оправданием роли Англии в мировой войне, так как-де именно английская буржуазия была на стороне цивилизации и прогресса.

Таким образом общественная роль Конан-Дойля определяется как враждебная делу социализма, законченно буржуазная, империалистическая. Этот писатель куда правее такого сомнительного друга коммунистов, каким так или иначе является Герберт Уэллс.

Но в своем художественном творчестве, так полно отразившем идею «прекрасной игры» (*fair play*), о которой мы говорили, он дал много ценного и для нас.

Это противоречие объясняется, в сущности, просто. Восходящая буржуазия, прибегая к насилию над трудящимися своей страны и малыми народами за ее границей, вынуждена оправдывать это насилие ложью о прогрессе, цивилизации, свободах и т. д. и т. п. Но в то же время, именно потому, что это буржуазия восходящая, торжествующая, счастливая своими успехами, она может позволить себе роскошь некоторой свободы в своих проявлениях, отдачи себя вольной игре внутренних сил, покуда они еще не иссякли. Именно в этой обстановке под искусными руками ее художников начинают громко звучать иные струны национального характера, выступают наружу веками накопленные ценности внутреннего обихода. Разве не этим объясняется очарование,

которое испытываем мы при чтении произведений еще более, чем Конан-Дойль, враждебного нам по своей идеологии Киплинга?

Как и всякий подлинный художник эксплуататорского класса в период, когда этот класс еще не клонится к упадку, Конан-Дойль не лжет, а мешает правду с ложью. Но две эти вещи трудно соединимы, концы их то и дело расходятся. И стоит нам взяться за нужный конец, чтобы правда (столь нам полезная) оказалась в наших руках, а ложь осталась на совести того, кто обойтись без нее не может.

И в похождениях Шерлока Холмса, к образу которого Конан-Дойль возвращается постоянно, и в «Приключениях бригадира Жерара» (изд. в 1896 г.) понятие «прекрасной игры» получает свое развитие и воплощение.

Рассказы о Шерлоке Холмсе и рассказы бригадира Жерара о себе — это прежде всего рассказы о борьбе. Они полны напряженного, неудержимого стремления героев к поставленной себе цели. Разница в том, что Шерлок Холмс, одаренный огромной способностью индуктивного мышления, — борец умственный, интеллектуальный. Бригадир Жерар — храбрый рубака, но человек умственно-ограниченный — пускает в ход силу, ловкость и ту непосредственную изобретательность, которая нужна человеку, стоящему перед препятствием не умственного, но физического порядка. Шерлок Холмс распутывает узлы, бригадир Жерар их разрубает. В этом разница их типов. Но общий им дух борьбы роднит их как нельзя более.

Есть в этих образах и более тесное родство: борьба для них — самоцель. Они влюблены в нее, живут только ею. Это ее служители, художники, артисты. Если бы перед ними не было препятствий, они бы их выдумали. Впрочем, бригадир Жерар именно так и поступает: именно в этом корень его хвастовства, а не в его характере гасконца, как пробует уверить нас автор. Дело в том, что, рассказывая о своих военных подвигах, Жерар переживает вновь не только пережитое им однажды, но и то, что он котел бы пережить. Он искренно верит в то, что по доблести и уму — он первый офицер во всей армии Наполеона. Первый он и в успехе у женщин. И хотя относительно ума в его первенстве приходится

по меньшей мере усомниться, но разве может сомневаться в себе человек, цель жизни которого в том, чтобы быть всюду и во всем только первым.

Дух борьбы, беззаветного увлечения борьбой, неудержимое стремление к тому, чтобы всегда быть первым у цели — это основное содержание того понятия *fair play*, которое лежит в основе характера бригадира Жерара. Со держание этого понятия должно быть дополнено еще одной чертой, чтобы быть исчерпанным до конца: оно неотделимо от уважения к противнику, как достойному партнеру в той «прекрасной игре», которая называется борьбой. При всем своем хвастовстве бригадир Жерар всегда готов отдать должное противнику. И хотя честолюбие не позволяет ему сделать это до конца, поставить себя на одну доску с ним, однако, в его суждениях о противнике очень отчетливо сквозит та мысль, что уважение к противнику есть не что иное, как обратная сторона уважения к самому себе.

Шерлок Холмс — частный детектив, обслуживающий интересы английской буржуазии. Отсюда на его образе налет лицемерной сентиментальности и ханжеская, показная добродетель в его общественных оценках.

Бригадир Жерар — Офицер Наполеоновской армии, сыгравшей, правда односторонне, революционную роль, поскольку захвативший власть во Франции император был всего навсего офицером революционной армии, не имеющим связей со старым феодальным миром, и всем был обязан Великой Французской Революции, выдвинувшей его на вершину власти и славы, а потому объективно вынужденный противопоставлять феодальному порядку в завоевываемых странах новый порядок — буржуазный. Но буржуазная армия Наполеона, при всей своей объективной революционности, была все же буржуазная армия, а не пролетарская. Духом приобретательства и индивидуализма был полон весь ее организм и каждая частица последнего. Эта революционная армия грабит ценности завоевываемых стран, вызывая к себе ненависть населения, — об этом красноречиво рассказывает бригадир Жерар.

Соответственно этому, и каждый офицер ее был заражен

индивидуалистическим духом авантюризма и карьеризма. Вот почему дух борьбы, «прекрасной игры» в том смысле, как мы его определили, в образе Жерара предстает перед нами искаженным. Жерар плохо отдает себе отчет в конечной цели своих подвигов: для него они носят самодовлеющий характер, или точнее являются лишь средством для удовлетворения собственного честолюбия. Но это, ведь, не единственный случай, когда ценная человеческая черта, результат многовековой культуры, получает в буржуазном обществе дурное, недостойное употребление. От этого она не перестает быть величайшей ценностью, которая, при ином—пролетарском, а затем и социалистическом— строе неминуемо принесет прекрасные, нужные всему обществу плоды.

Кто знает, не освободился ли бы бригадир Наполеоновской армии Жерар при иных, проникнутых коллективизмом условиях от своего бахвальства и страсти к самовыдвижению, и не вышел ли бы из него храбрый, честный и активный краском?

Это гадательно, скажет читатель. Но дух «прекрасной игры», дух честной, прямой и открытой борьбы, рыцарем которой является Жерар, не вызывает ли в нас представления об отдаленном сходстве его с теми людьми, которые выковываются у нас в нашей пролетарской Красной армии?

Зато уж вовсе не гадательна судьба буржуазного писателя Конан-Дойля. Он в действительности прошел путь, обратный тому, который намечается для его создания. До конца сопутствуя английской буржуазии, мировая гегемония которой закатывается и которой осталось искать утешение только в молитвеннике да бесильной злобе на нашу страну, Конан-Дойль ищет утешения... в спиритизме. Последний его роман «Земля туманов», выпущенный им в 1926 г., говорит о том, что «прекрасная игра» уже не по зубам этому писателю, дряхлеющему вместе со своим классом, и в удел ему остается только манная кашка домашнего мистицизма.

Д. Горбов